

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. изучение гражданских войн прошлого становится весьма актуальной исследовательской задачей. В немалой степени это связано с тем, что большинство современных вооруженных конфликтов являются не войнами между разными странами, а разворачиваются именно внутри какой-либо одной страны. Лишь 5 % войн последних десятилетий были межгосударственными вооруженными конфликтами. Гражданские же войны и в начале XXI в. с трудом поддаются учету — достаточно упомянуть Афганистан, Ирак, Йемен, Ливию, Сирию, Сомали, Южный Судан. Такой список междоусобиц никак нельзя назвать полным или точным: одни и те же конфликты определяются разными исследователями по-разному. Кто-то считает их гражданскими войнами, кто-то отрицает в них наличие признаков, присущих именно гражданской войне. В настоящее время нет единого определения гражданской войны, которое используют все ученые.

Отсутствие у исследователей единой точки зрения на природу гражданских войн наблюдается в описаниях вооруженных конфликтов на протяжении всей истории. Так, одни авторы считали, что династические, религиозные, антиколониальные войны, сецессии и крупные этнические конфликты можно считать гражданскими войнами, а другие с этим суждением были категорически не согласны. Да и сами участники конфликтов применяли и применяют этот термин с осторожностью — такое определение конфликта влечет за собой политические, юридические и экономические последствия, которые могут вредить интересам какой-либо из

противоборствующих сторон. Нередко возникает ситуация, когда одна из сторон конфликта определяет происходящее как «революцию», «восстание», «освободительное движение», а другая — описывает ситуацию как «мятеж» или «переворот»; в то же время, по мнению части исследователей событий, соответствующие конфликты могут быть описаны как гражданские войны. По крайней мере по некоторым оценкам, в мире в 2015 г. одновременно шло более сорока гражданских войн, хотя не все их участники определяли данные конфликты таким образом¹.

Интерес современных исследователей к феномену гражданских войн бесспорен — его демонстрируют представители различных научных дисциплин. Этот факт подтверждается и выходом специальных выпусков авторитетных научных журналов², и появлением специализированных научных академических изданий³, и созданием особых научных институтов, изучающих гражданские войны⁴.

Центральной проблемой при изучении природы гражданских войн являются вопросы эскалации и легитимизации масштабного политического насилия. Работа в данном направлении требует изучения специфических культур насилия, культур конфликтов, культур гражданских войн. Правда, некоторые «стасиологи» — социологи и политологи, изучающие масштабные внутренние конфликты, — не склонны придавать большого значения культурным аспектам гражданских войн. С. Каливас, автор одной из последних значительных работ, посвященных логике насилия в гражданских войнах, пишет, что теории, объясняющие насилие с помощью изучения эмоций,

¹ Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New York, 2017. P. 9, 11, 12.

² *Civil Wars & Global Disorders: Threats & Opportunities* // *Dædalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. 2017 (Fall). Vol. 146, No. 4.

³ Журнал *Civil Wars* издается в Бирмингемском университете с 1998 г.

⁴ Например, Центр по изучению гражданских войн при Институте исследования проблем мира в Осло или Центр по сравнительному исследованию гражданской войны при факультете политических наук Шеффилдского университета.

культуры и идеологии, не убедительны⁵. Он предлагает преимущественно социологические объяснения процессов эскалации гражданских войн. При всей важности этого подхода представляется все же, что изучение языка политической мобилизации в качестве одного из индикаторов и факторов скатывания страны к гражданской войне имеет особое значение. Да и сам Каливас, отрицая значение культурных аспектов, постоянно обращается к примерам того, как гражданские войны описывались и современниками конфликтов, и — позже — их участниками в воспоминаниях⁶.

Масштабному насилию предшествует проговаривание и оправдание этого насилия, его упреждающая дискурсивная легитимизация. Разработка культуры гражданской войны и соответствующего языка предшествует гражданской войне. Следует отметить, что такая культурная подготовка к гражданской войне не всегда ведет к ней — для возникновения гражданской войны она является условием необходимым, но не достаточным.

В центре внимания настоящей книги — некоторые ключевые слова, использовавшиеся участниками политических конфликтов для анализа ситуации и /или для оправдания политического насилия, для политической мобилизации сторонников и для дискредитации противников.

Авторы этого сборника задумывали его в том числе с ориентацией на различные тексты, появившиеся в разных традициях изучения «истории понятий». Нам представляется важным исследовательский подход, предлагаемый К. Скиннером и другими представителями «кембриджской школы» истории идей, которые подчеркивают важность реконструкции контекста политического высказывания, особое внимание уделяя намерениям его автора. Мы также считаем важным

⁵ Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. М., 2019. С. 658. Критическая интерпретация классических «стаσιологических» работ дается в книге: Малия М. Локомотивы истории: революции и становление современного мира. М., 2015. С. 352–368.

⁶ Так, например, Каливас отмечает, что серьезные разногласия на местном уровне обычно оформляются дискурсивной терминологией, используемой для формулировки основной причины раскола на национальном уровне. Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. С. 618.

изучать тексты, созданные «второстепенными» участниками политического процесса, исследуя разнообразные случаи использования терминов и текстов. Только так можно изучать политический дискурс эпохи, поскольку без понимания этих принципиальных вопросов полноценное исследование борьбы за власть невозможно⁷.

Для нас также крайне важны анализ и изучение исторической динамики понятия «революция», предпринятые Р. Козеллеком и его коллегами в рамках знаменитого научного проекта. Фундаментально значимым для авторов сборника статей оказалось и исследование истории понятия «гражданская война», выполненное Д. Армитаджем⁸.

Вместе с тем следует оговориться, что с нашей стороны было бы претенциозным самозванством заявлять о принадлежности всех авторов этого сборника к какой-либо из вышеупомянутых школ. «История понятий» служила для многих из нас, скорее, важным источником вдохновения, чем надежным общим методологическим инструментом. Для авторов этой книги контекст высказывания важен не только для понимания смысла высказывания — сам политический контекст, по сути, часто и является важным предметом нашего исследования. Мы изучаем не историю развития больших понятий политической философии, существенно менявших инструментарий описания и конструирования социальной и политической реальности, мы, скорее, исследуем историю разнообразного применения слов, служивших инструментами политической мобилизации и индикаторами политической демобилизации.

⁷ *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли / пер. с англ. А. Яковлева. М., 2018. Т. 1–2; *Покок Дж. Г. А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т. Пирусской. М., 2020; *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018.

⁸ *Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й.* Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т.* / пер. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 520–728; *Armitage D.* Civil Wars: A History in Ideas. New York: Alfred Knopf, 2017.

Нас интересует всевозможное использование слов в конфликтах разного масштаба и разного уровня (можно было бы сказать, что нас интересует «политическая микроистория понятия»). При этом для нас особенно важны те многозначные слова, которые употреблялись разными акторами с разными политическими целями — слова, которые использовались «всеми», но воспринимались и интерпретировались по-разному.

Легитимизацию насилия невозможно представить без убедительных и ярких образов врагов, поэтому немалая часть статей данного сборника посвящена риторическому обеспечению этой стороны конфликтов. Другой важный аспект легитимации и дегитимизации насилия — попытка предложить общую интерпретацию конфликта; попытка, проявляющаяся в употреблении, истолковании или табуировании таких слов, как «революция», «контрреволюция», «смута», «гражданская война», «мятеж» и др. Соответственно, некоторые статьи сборника посвящены этому аспекту «битв» слов и сражений за интерпретацию понятий.

При подготовке статей авторы сборника старались придерживаться нескольких принципов.

Во-первых, они стремились использовать многоплановые и разнородные источники (партийные документы, художественные тексты, публицистику, резолюции, дневники, письма современников, политические словари, рассчитанные на массового читателя). Это позволяет делать осторожные выводы относительно распространенности и значения тех или иных слов, эффективности пропагандистских усилий основных политических акторов.

Во-вторых, авторы этой книги стремились избежать телеологичного видения гражданской войны: знание историков о последующих событиях заставляет их порой уделять большее внимание предыстории лишь того сценария, который был реализован в действительности, что, в свою очередь, может помешать анализу не менее важных альтернатив. Так, наше знание о ходе гражданской войны и ее результатах подталкивает нас к тому, чтобы видеть в истории революции 1917 г. начальную фазу неизбежной гражданской войны, которая задним числом воспринимается многими современниками,

а затем и некоторыми исследователями, как изначально неотвратимая. Поэтому в некоторых статьях сборника уделяется особое внимание попыткам избежать или остановить гражданскую войну, соответствующим риторическим тактикам, призванным обеспечить подобные политические проекты. Статьи М. Е. Разинькова и И. В. Саблина специально посвящены этим сюжетам. Но и тексты, рассматривающие распространения образов врагов и предлагающие различные интерпретации конфликта, показывают, что некоторые участники событий пытались выстраивать разнообразные общественно-политические коалиции, деятельность которых была направлена на предотвращение гражданской войны.

Вместе с тем некоторые статьи сборника убедительно показывают, что распространенный и обоснованный страх перед гражданской войной не всегда является условием, достаточным для ее предотвращения. Попытки же использования этого страха в политических целях порой лишь способствуют обострению политических конфликтов и легитимизации насилия. Для дальнейшего исследования темы полезно было бы обратиться к подходам, выработанным историками эмоций, применяя их и при изучении истории понятий, — отчасти это уже реализуется в статье К. В. Годунова.

Гражданская война вошла в историю и культурную память прежде всего как война «красных» и «белых». Подобная весьма грубая, но широко распространенная интерпретационная схема не описывает все многообразие конфликтов — социальных, политических, этнических, политических, религиозных — на постимперском пространстве и прилегающих территориях, в совокупности и образовавших сложнейшее явление, которое мы, очень сильно упрощая, именуем Российской гражданской войной. Неудивительно, что некоторые современные исследователи предпочитают даже говорить не об одной гражданской войне, а о «российских» «гражданских войнах»⁹.

⁹ *Smele J. D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London; New York, 2016.* Подход автора с интересом был встречен российскими исследователями и оказал воздействие на обсуждение истории гражданской войны. См.: *Голдин В. И. 1917 год и гражданская*

К тому же деление на «красных» и «белых» появилось уже тогда, когда гражданская война началась, а некоторые важные ее участники отвергали подобное описание конфликта. Так, например, самоназвание «белые» было принято разнообразными противниками большевиков далеко не сразу и не везде, иногда оно навязывалось их врагами¹⁰.

Нас же интересует и риторика предшествующего периода — упреждающее проговаривание грядущих конфликтов, их моделирование и прогнозирование, нас интересует упреждающая легитимизация масштабного насилия. Анализ эмоционально нагруженных и многозначных понятий, изучение их использования в разнообразных конфликтах, предварявших и подготавливавших гражданскую войну, позволит изучить и разные типы конфронтационной мобилизации, и нарастание аполитичности, рассмотреть политическую демобилизацию одних социальных групп и гиперполитизацию, взрывную политическую мобилизацию других.

Февральскую революцию можно описать как успех очень широкой коалиции социальных и политических сил, коалиции весьма неустойчивой и кратковременной. Против режима, находившегося в состоянии крайней изоляции, объединились и враги монархии, и некоторые ее приверженцы, и сторонники продолжения войны, и ее противники, и поборники империи, и автономисты, федералисты, сепаратисты. Создание столь необычайно широкого общественно-политического фронта было невозможно без соответствующего риторического обеспечения. Февраль нельзя представить без словосочетания «темные силы», которое до революции употреблялось и в легальной,

война в России: осмысление спустя столетие // *Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук профессора В. И. Шишкина*. Новосибирск, 2018. С. 255–257; *Тарасов К. А. Гражданские войны на постимперском пространстве. Круглый стол «Петербургского исторического журнала» // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2018. № 3 (19). С. 167–170.

¹⁰ См. интереснейшее исследование, посвященное цветовой символике политического языка Франции и России: *Душенко К. В. Красное и белое: из истории политического языка*. М., 2018.

и в нелегальной печати, и в публичных заявлениях авторитетных деятелей, и в частных разговорах, в письмах и дневниках. При этом разные современники вкладывали в эти слова различный смысл — соответственно, они воспринимались порой совершенно неожиданно, что иногда противоречило замыслу авторов информационных посланий. «Темные силы» могли обозначать воображаемую «германскую партию» при дворе и «распутинцев», шпионов и саботажников, «внутренних немцев» и провокаторов, спекулянтов и «мародеров тыла», «черносотенцев» и евреев; использование этих слов могло актуализировать давние и развитые традиции антинемецкой и антисемитской, антибуржуазной и антимонархической пропаганды, воскрешая и создавая образцы конспирологической интерпретации действительности. «Культура поиска предателей» (термин У. Г. Розенберга¹¹), соединявшая шпиономию и всевозможные социофобии, была широко распространена во время мировой войны во всех воюющих странах, но в России она достигла особых масштабов.

Словосочетание «темные силы» употреблялось и после свержения монархии (его использовали и социалисты, и их противники), однако его использование разными политическими силами было ограничено, оно стало занимать подчиненную позицию по отношению к иным образам врага. Значение этого словосочетания как инструмента политического объединения значительно уменьшилось.

Активные участники событий были достаточно осведомлены об истории различных революций, они предвидели возможность эскалации насилия и возникновения гражданской войны (тему исторических аналогий затрагивает в своей статье А. В. Шмелев). Неудивительно, что действия важных участников февральских событий объяснялись желанием предотвратить гражданскую войну или /и стремлением использовать в политических целях страх перед гражданской войной.

¹¹ Розенберг У. Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: вое-низированные конфликты после Первой мировой войны: сб. статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014. С. 41–42.

Собственный, личный предшествующий политический опыт современников нередко был связан с переживанием ситуаций малых, локальных гражданских войн: революция 1905–1907 гг. давала примеры масштабного применения против повстанцев не только отдельных войсковых частей, но и целых соединений императорской армии, иногда использовавших артиллерию, при этом нередко их противником были и российские военнослужащие, участвовавшие в восстаниях. И менее масштабные конфликты в «мирное» время подавлялись армейскими частями, которые широко привлекались для прекращения беспорядков. Совершенно неподготовленные к решению полицейских задач войска часто воспринимали протестующих как «внутренних врагов», с которыми и следовало поступать так же, как и с «врагом внешним» — используя оружие. Показательна публичная дискуссия начала XX в., в ходе которой весьма авторитетный в военных кругах генерал М. И. Драгомиров отрицал необходимость предупредительных холостых залпов при подавлении беспорядков — войскам следовало сразу же открывать огонь на поражение, расстреливая протестующих. Генерала впоследствии сочувственно цитировали лидеры Белого движения (среди которых были и члены его семьи)¹². Правда, Драгомиров полагал, что войска следует применять во внутренних конфликтах только в крайних случаях, однако обилие таких конфликтов и недостаток полицейских сил приводили к тому, что армия привлекалась довольно часто для подавления беспорядков. Все участники этого силового противостояния приобретали весьма своеобразный опыт насилия, который стимулировал распространение культуры гражданской войны задолго до ее начала. Это не могло не способствовать милитаризации и брутализации политических, социальных и этнических конфликтов в 1917 г.

Свой вклад в распространение культуры насилия вносили и российские революционеры: хорошо развитая политическая культура революционного подполья, испытывавшая

¹² Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 167–169.

воздействие европейской радикальной политической традиции — прежде всего традиции французской и польской, — оправдывала и романтизировала насилие и, в частности, политический террор. После свержения монархии революционная политическая культура получила весьма широкое распространение — этому способствовала и агитационно-пропагандистская деятельность радикальных политических партий, и коммерческие структуры, стремившиеся удовлетворить спрос политизирующихся жителей России. Важным элементом этой системы был культ «борцов за свободу», в том числе и культ террористов и повстанцев. Политическая практика такого рода создавала в 1917 г. большие проблемы для умеренных социалистов: выработавшийся ими не без колебаний курс на политический компромисс с «буржуазией» совершенно противоречил буквальной трактовке текстов и символов революционной традиции, которые часто воспринимались политизирующимися массами как руководство к прямому действию. Отказаться же от революционной традиции они не могли. Революционные символы фактически — хотя и не юридически — играли после свержения монархии роль государственных символов новой России. Авторитет этих символов был очень велик — неудивительно, что в 1917 г. их использовали, решая оперативные политические задачи, даже некоторые будущие лидеры Белого движения, включая генерала Л. Г. Корнилова и адмирала А. В. Колчака¹³.

Эти обстоятельства следует иметь в виду, когда мы говорим о российских особенностях общеевропейского процесса «брутализации» обществ — прежде всего «брутализации» военнослужащих и ветеранов, — вызванного Первой мировой войной. Известны многочисленные случаи вовлечения фронтовиков в разных странах в радикальные политические движения, прибегавшие к военизированному насилию (*paramilitary violence*), насилию военизированных формирований, — достаточно вспомнить германские «добровольческие корпуса», итальянских фашистских сквадристов. Военизированное насилие

¹³ См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2012.

существовало параллельно с другими видами насилия, такими как социальное протестное движение, повстанчество, терроризм, полицейские репрессии, криминальное насилие и боевые действия традиционного типа. Участие бывших фронтовиков в акциях насилия после окончания Первой мировой войны беспокоило даже сравнительно благополучную Великобританию. Мировая война стала своеобразной «лабораторией насилия» для миллионов мужчин¹⁴.

Российская ситуация все же отличалась бóльшим своеобразием: здесь можно говорить о формировании сразу нескольких «лабораторий насилия», которые имели к тому же и существенные региональные различия. Революция 1917 г. характеризовалась несколькими важными социально-политическими процессами. Взрывная политизация общества сопровождалась вовлечением в политику многих людей, ранее от нее отчужденных (абсолютное большинство горожан, например, до революции не могло участвовать в избрании местных органов власти)¹⁵. Сложившаяся ситуация оказала особое воздействие на миллионы молодых мужчин, находившихся в армии: попытка реализации революционного проекта «демократизации» вооруженных сил привела к тому, что во власть, и прежде всего в войсковые комитеты разного уровня, были вовлечены сотни тысяч людей, только обучающихся навыкам и языку современной политики в ходе революции. Этот новый «комитетский класс» (полезный термин А. Уайльдмена, описывающий членов многочисленных советов и комитетов, появившихся после падения монархии¹⁶) сыграл большую роль в событиях революции и гражданской

¹⁴ См.: Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны: сб. статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014; *Ziemann B. Violence and the German Soldier in the Great War: Killing, Dying, Surviving.* L., 2017.

¹⁵ О связи между политизацией военнослужащих и политическом насилии писал К. А. Тарасов, рассмотревший случаи уничтожения лозунгов оппонентов, см.: *Тарасов К. А. Проявления политического насилия в Петроградском гарнизоне в мае – июле 1917 г. // Новейшая история России. 2014. № 1 (9). С. 28–39.*

¹⁶ *Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Piece.* Princeton, 1987.

войны — его представителей можно найти в разных лагерях, хотя особенно велика его роль в создании советского военного и партийно-государственного аппарата. Процесс политизации вооруженных сил сопровождался милитаризацией политики: военнотружашие вовлекались в различные политические структуры, которые во многом опирались на новые милитаризованные формирования. Еще одно важное измерение «бруталикации» и милитаризации — национальные движения разного уровня и этнические конфликты. Переплетающиеся процессы политизации, политической радикализации, милитаризации и национализации, которые описывались порой как «большевизация» (см. статьи К. А. Тарасова в этой книге) сильно влияли на ход разнообразных конфликтов, способствуя выдвиганию силовых сценариев их разрешения и успехам соответствующих военизированных политиков.

И все же, как уже отмечалось, сценарий гражданской войны не был единственно возможным, его пытались предотвратить разные силы. Различные тактики предупреждения гражданской войны в 1917 г. предполагали формирование общественно-политических коалиций, которые должны были обеспечить «гражданский мир». Это требовало и риторического обеспечения. Понятия «гражданин» и «республика», которым посвящены опубликованные в этом сборнике статьи Ё. Икэды и Д. И. Иванова, должны были способствовать сплочению нового общества, однако, как показывают авторы, использование этих понятий было порой непредсказуемым.

Временное правительство опиралось на неустойчивую коалицию умеренных социалистов (прежде всего социалистов-революционеров и меньшевиков), преобладавших в появившихся после революции советах и комитетах (на них ориентировалась и большая часть «комитетского класса»), и либералов, которые все более полагались не только на немалую часть интеллигенции и ее традиционную базу поддержки, но и на традиционные элиты — генералитет, предпринимателей, бюрократов. Традиционные элиты изначально не имели иных центров политического притяжения, ибо партии «правее кадетов» фактически прекратили свое существование. На первых порах умеренные социалисты поддерживали Временное правительство лишь

условно. Но, начиная с мая, правительство стало коалиционным, и партии умеренных социалистов официально делегировали в него своих представителей — они стали нести полную ответственность за правительственную политику.

Вхождение социалистов во власть было непростым экспериментом для всех участников коалиции. Ситуация осложнялась и тем, что после Февраля социалисты пользовались в России культурной гегемонией. Это проявлялось и в невероятной популярности идей социализма, и — еще в большей степени — в широком распространении антибуржуазного и «антибуржуйского» сознания — здесь свой вклад вносили и радикальные социалисты, и социалисты умеренные (порой они публиковали одни и те же тексты — например, классику социалистической агитационной литературы). Однако востребованность риторики такого рода проявлялась и в том, что свой вклад в распространение антикапиталистических настроений вносили и многие предприниматели — издатели, владельцы театров и производители кинофильмов реагировали на «антибуржуазный спрос», который порождал соответствующее «антикапиталистическое предложение». Умеренные же социалисты и в данном случае оказались в сложной ситуации: они, с одной стороны, активно способствовали распространению антибуржуазных, «антибуржуйских» настроений, а с другой — агитировали, хотя и не всегда последовательно, за создание и воссоздание коалиций с «буржуазией»¹⁷.

Популярность социалистов разного толка проявлялась и в результатах выборов. Сначала это были выборы в местные органы власти, на которых уверенно побеждали социалисты-революционеры, а затем и выборы в Учредительное собрание, в котором умеренные социалисты получили абсолютное большинство. С течением времени все большую электоральную

¹⁷ Об антибуржуазном сознании см.: Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское сознание» // *Анатомия революции*. СПб., 1994. С. 188–202. Об образе «буржуа» в визуальной пропаганде см.: Бойцова О. Ю. Буржуй и капитал // *Гражданская война в образах визуальной пропаганды: словарь-справочник* / отв. ред. Е. А. Орех. СПб., 2018. С. 19–24.

поддержку ощущали большевики и другие радикальные социалисты. Однако и умеренные социалисты во время различных избирательных кампаний активно использовали антибуржуазную риторику, привлекавшую их электорат.

О распространенности языка отрицания «буржуазии» свидетельствовали не только победы на выборах и иные удачные политические акции социалистических партий. Социалистический дискурс серьезно влиял на общий язык Российской революции 1917 г., это проявлялось и в понимании термина «демократия». Не всегда «демократия» тогда была синонимом слова «народоправство». Социалисты часто описывали «демократию» как некий субъект политического процесса (комитеты, советы, «демократические» партии, «демократические» слои населения и их организации), который противостоял «буржуазии». Такая оппозиция «демократии» и «буржуазии» встречалась не только в текстах социалистов — ее можно заметить и в донесениях иностранных дипломатов, и на страницах «буржуазных» газет. В этих условиях лозунг «демократической республики» порой воспринимался как призыв к созданию политического строя, подавляющего «буржуазию». Неудивительно, что некоторые сторонники большевиков субъективно воспринимали себя «демократами», а задачи «демократизации» ставились большевистскими декретами¹⁸. Умеренные социалисты тоже нередко использовали подобное противопоставление. Так, в конце 1917 г. они упрекали Ленина и других лидеров его партии в том, что те начинают гражданскую войну внутри «демократии», повышая тем самым шансы «контрреволюционеров» — «корниловцев» и «калединцев», которых меньшевики и эсеры также обвиняли в развязывании гражданской войны. Социалистическая интерпретация «демократии» была исключительной, она весьма ограниченно могла быть использована для создания серьезных политических коалиций с «буржуазией»,

¹⁸ Kolonitskii B. "Democracy" in the Political Consciousness of the February Revolution // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57, No. 1. P. 95–106; Колоницкий Б. И. Язык демократии: проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб., 2006. С. 152–189.*

предотвращающих гражданскую войну, тем более что термин «буржуазия» применялся чрезмерно широко. В свою очередь, попытка создания широкой антибуржуазной коалиции также была затруднена ввиду противоречий между умеренными социалистами и социалистами радикальными, хотя антибуржуазную риторику использовали и те и другие.

Понятие «революция» получило очень широкое распространение в 1917 г., став важнейшим легитимирующим термином. Революционерами стремились предстать буквально все. Показательно, что даже генерал Л. Г. Корнилов, бросивший в конце августа вызов не только социалистам (радикальным и умеренным), но и Временному правительству, в разгар кризиса неоднократно публично отвергал обвинения в антиреволюционности. До определенного момента Корнилов и некоторые другие будущие лидеры Белого движения (в том числе и адмирал А. В. Колчак) вынуждены были задействовать в 1917 г. революционную риторику и символику. Однако, как оказалось, революционная традиция могла быть использована для формирования коалиций гражданского мира весьма ограниченно: система политических понятий и символов этой культуры скорее способствовала оформлению, легитимизации и углублению разнообразных конфликтов, чем предотвращению гражданской войны. В ходе гражданской войны отношение к революционной традиции влияло на формирование разных политических конфликтов: если представители белого лагеря впоследствии конструировали свою идентичность, отрицая революционные символы, ритуалы и тексты, то умеренные социалисты и некоторые другие противники большевиков использовали их, представляя себя «истинными» революционерами и отрицая принадлежность к таковым Ленина и его партии.

Неудивительно, что уже в 1917 г. различные обвинения в «контрреволюционности» и «предательстве» идеалов революции звучали в адрес противостоящих друг другу политических сил — это был удобный способ дискредитации оппонентов и противников. Обвинения такого рода поступали и в адрес большевиков, что способствовало формированию распространенных и негативных образов «большевиков» и «большевизма» (этой теме посвящены статьи К. А. Тарасова, публикуемые

в данном сборнике). Первоначально широко использовались слова «ленинцы» и «ленинство». Отчасти это было связано с тем, что некоторые социалисты надеялись противопоставить Ленина и «ленинство» более умеренным большевикам, готовым пойти на компромисс с остальными социалистами. Для таких надежд были некоторые основания: «правые» большевики, прежде всего Л. Б. Каменев, пользовались определенной поддержкой среди влиятельных членов партии, да и части рядовых большевиков вовсе не нравилось то, что их именовали «ленинцами». К тому же в это время обвинения в поддержке русских радикальных социалистов германскими властями связывались прежде всего с Лениным, поэтому не все большевики спешили отождествлять себя с ним.

Однако события Апрельского кризиса продемонстрировали, что крайняя персонификация радикальных социалистов, проявлявшаяся в изобретении уничижительных слов «ленинство» и «ленинцы», скорее способствовала росту популярности лидера большевиков. Кризис нередко описывался как противостояние «ленинцев» и «милюковцев» — сторонников министра иностранных дел П. Н. Милюкова. Политическое поражение Милюкова в ходе кризиса было очевидным, что не могло не восприниматься частью современников как тактический успех Ленина, а тиражирование негативных образов руководителя большевиков его противниками лишь способствовало росту его известности.

После Апрельского кризиса все большее значение приобретают темы «анархии» и «распада» страны, раскалывающейся на всевозможные «республики» (эти сюжеты рассматриваются в статьях Д. И. Иванова, публикуемых в этом сборнике). Об опасности «анархии» говорили чуть ли не все политические партии и движения (за исключением самих анархистов), а необходимость борьбы с «анархией» становилась важнейшей тактикой легитимизации. В некоторых случаях антианархистская пропаганда переплеталась с пропагандой антибольшевистской: противники радикальных социалистов даже изобрели и широко использовали сочетание «анархобольшевизм»: так именовали не только группы анархо-коммунистов, но и большевиков, и — шире — всех тех, кого обвиняли в «большевизме».

После Июльского кризиса, во время которого большевики и их союзники из числа радикальных социалистов и анархистов предприняли неудачную попытку штурма власти, «большевизм» и «большевики» были вновь объявлены либералами, консерваторами и многими умеренными социалистами главным политическим врагом, этому способствовала и публикация документов, которые якобы свидетельствовали о сотрудничестве Ленина и его партии с германскими властями. Однако эффективность этой пропагандистской кампании оказалась не очень существенной, что отчасти было связано с особенностями использования и толкования слов «ленинцы», «большевики» и «большевизм».

Со временем слова «ленинцы» и «ленинство» стали использоваться все реже, но о «большевиках» и «большевизме» писали и говорили постоянно. Далеко не всегда это было связано с упоминаниями сторонников Ленина. «Большевизм», как показывает К. А. Тарасов, стал знаком радикализма разного толка. Современники, например, писали об «украинском большевизме», подразумевая активистов национального движения. «Большевизация» и «украинизация» воспринимались как однопорядковые явления, а в «большевизме» обвиняли и тех национальных активистов, которые были противниками партии большевиков. Стало складываться представление о «национальном большевизме» или о «большевизме в национальном вопросе»¹⁹.

Современники писали и об «эсеровском большевизме», имея в виду сторонников левого, антивоенного крыла этой самой массовой политической партии. Слово «большевизм» уже в 1917 г. использовалось и во время многочисленных конфликтов, сопровождавших так называемую «церковную революцию»²⁰. Хотя словосочетание не употреблялось в то время как самоназвание, но противники радикальных преобразований в церкви именовали своих оппонентов «церковными большевиками» и даже

¹⁹ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 144.

²⁰ См.: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

«церковными ленинцами» (этим словосочетаниям посвящена публикуемая в данной книге статья П. Г. Рогозного).

Политики, упрекавшие руководителей умеренных социалистов в чрезмерном радикализме, использовали порой словосочетания «полуленинцы» и «четвертьленинцы». Одним из первых выражение «полуленинцы» использовал Г. В. Плеханов, представлявший «правый», оборонческий фланг социализма, который постоянно выступал за тесное и безоговорочное сотрудничество с «буржуазией» во имя победы в войне.

Неудивительно, как справедливо показывает К. А. Тарасов, что генерал Л. Г. Корнилов, открыто и многократно объявлявший о борьбе с «большевизмом», на деле готовил удар и против умеренных социалистов, которые входили во Временное правительство, контролировали большинство советов, комитетов и демократически избранных органов местного самоуправления. По сути дела, генерал и его сторонники бросали вызов не только набирающим силу крайним политическим радикалам, представлявшим все же меньшинство населения страны, но и партиям, пользовавшимся политической поддержкой абсолютного большинства граждан.

В свою очередь, некоторые умеренные социалисты порой говорили о «большевизме справа», описывая радикальные политические действия, осуществлявшиеся и предлагавшиеся правыми, консервативными и даже либеральными политическими силами.

Подобное чрезмерное и расширительное толкование слова «большевизм» крайне затрудняло возможность создания антибольшевистского единого фронта. Напротив, эта дискурсивная ситуация помогала оформить различные разрастающиеся общественно-политические конфликты, способствовавшие возникновению ситуации гражданской войны.

Само понимание противостояния в 1917–1920 гг. отражало разные сценарии его завершения. Это проявлялось и в выборе ключевых слов, используемых для его описания. Слова «революция», «гражданская война» и «смута» не были нейтральными аналитическими понятиями, они отражали определенную политическую позицию. Некоторые авторы при этом обращались к европейской традиции.

Термин «гражданская война» возник во времена Древнего Рима, в конце республиканского периода. Многие политические теоретики усматривали в гражданской войне самое страшное общественное зло, преодолеть которое может лишь сильное государство. После появления в XVIII в. термина «революция» (в его современных пониманиях) эти два понятия использовались для характеристики схожих явлений — порой оба термина применялись разными авторами для описания одного и того же события. Однако слово «революция» часто имело положительное значение, употреблялось для легитимизации политического насилия. С другой стороны, как уже отмечалось выше, не все участники гражданских войн считали политически выгодным для себя использовать понятие «гражданская война» — порой участники силового противостояния на территории одного государства решительно отвергали такую характеристику конфликта, предпочитая, например, говорить об интервенции, национально-освободительной борьбе и революции²¹.

Дискуссии о применимости понятий «революция» и «смута» для описания событий революции и гражданской войны, анализируемые в статье А. В. Шмелева, публикуемой в этом сборнике, отражали разные взгляды участников событий. Некоторые современники предлагали употреблять слово «смута»: политический кризис в России представлялся им столь архаичным и иррациональным, что он совершенно не вписывался в теорию прогресса, поддерживаемую отдельными авторами, которые не отрицали в принципе роль революций. Стоит отметить, что порой и современные исследователи по схожим причинам предпочитают говорить о «смуте» и не используют понятия «революция» и «гражданская война»²².

²¹ См.: Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufbruch, Bürgerkrieg); *Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas*. N. Y., 2017.

²² Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия; Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009; Красная смута: сб. исторических литературных произведений / сост. и науч. ред. Р. Г. Гагкуев. М., 2011; Люкшин Д. И. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань, 2017.

Нельзя не упомянуть и еще один контекст употребления понятий: все участники событий обращались к историческим аналогиям для понимания и оценки сложнейшей обстановки, но, и это важно учитывать, разные люди апеллировали к разным аналогиям. Так, особенно часто Российскую революцию сопоставляли с Французской революцией XVIII в., участников событий нередко сравнивали с «жирондистами» и «якобинцами», в разное время разные области претендовали на роль «Русской Вандеи», а политики — на роль русских «Дантонов» и «Робеспьеров», «Маратов» и «Сен-Жюстов». На протяжении десятилетий шли разговоры о «русском Бонапарте» и «бонапартизме»²³. В то же время Ленин и некоторые другие марксисты часто использовали для описания российской ситуации опыт Французской революции 1848 г. и Парижской коммуны. Для многих людей консервативных взглядов особенно актуально было сравнение происходящих событий со Смутным временем начала XVII века — современники революции обличали новых «лжедмитриев» и «тушинских воров», мечтали о появлении нового ополчения, сопоставляли авторитетных политических лидеров с Мининым и Пожарским. Некоторые же современники вспоминали крестьянские восстания, прежде всего «пугачевщину».

Само по себе сравнение с событиями начала XVII в. и бунтами былых веков, как показывает А. В. Шмелев, не только вырывало Российскую революцию из европейской революционной традиции, но и представляло ее иррациональным и архаичным явлением.

Предысторию гражданской войны невозможно представить и без разнообразного использования понятия «гражданская война». Уже довольно давно В. И. Миллер отмечал, что исследование многозначности понятия «гражданская война» весьма важно для понимания массовой психологии революционной эпохи²⁴.

²³ О некоторых сюжетах, связанных с поисками российского Бонапарта, см.: *Филিপцова Т. А.* «Конфисковать революцию в свою пользу»? К вопросу о феномене «советского бонапартизма» // Вестник Тверского государственного университета. История. 2014. № 1. С. 39–57.

²⁴ *Миллер В. И.* Осторожно, история! М., 1997. С. 136–142.

Данный сюжет изучал М. Е. Разиньков²⁵. Исследование этой темы было продолжено и другими авторами²⁶. В настоящем сборнике ей посвящена статья К. В. Годунова.

В ходе свержения монархии одни участники событий видели в происходящем уже начавшуюся гражданскую войну, а другие прогнозировали вероятные сценарии ее возникновения. Особенно часто, как показано в статьях К. В. Годунова и К. А. Тарасова, обвинения в подготовке гражданской войны адресовались партии большевиков и ее лидеру, В. И. Ленину. Для этого были основания: радикальные социалисты давно заявляли о необходимости превращения «империалистической войны» в войну гражданскую, а свержение монархии как раз и рассматривалось как основной фактор в реализации этого процесса. Взгляды Ленина имели поддержку, хотя и не разделялись всеми членами партии. На оценку политической ситуации социал-демократами влияло и марксистское понимание сути гражданской войны, которая описывалась как высшая форма классовой борьбы (в то же время социальные конфликты классового общества рассматривались марксистами как классовая борьба). Маркс и Энгельс писали: «...мы прослеживаем более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»²⁷. В такой интерпретации гражданская война

²⁵ Разиньков М. Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–15.

²⁶ Колоницкий Б. И., Годунов К. В. 1) Тема гражданской войны в текстах «правых» социалистов во время «корниловщины» // Жить историей и думать о будущем: сб. статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К. Н. Морозова / сост. А. Ю. Морозова, А. Ю. Суслов. М., 2021. С. 351–364; 2) «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3. С. 78–87; Резник А. В. Риторика репрезентации гражданской войны в «Известиях» (октябрь 1917 — январь 1918 г.) // Там же. С. 88–100.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. М., 1955. Т. 4. С. 435.

«нормализовалась», становилась повседневным явлением, неизбежно присущим классовому обществу.

Ленин тоже связывал гражданскую войну с классовыми конфликтами: «...гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»²⁸. Впрочем, не только Ленин и его сторонники рассматривали гражданскую войну как борьбу классов. П. Б. Струве в 1918 г. писал: «Внешняя война объединяет людей, принадлежащих к одному и тому же народу; гражданская война, являющаяся лишь обостренным выражением классовой борьбы, их разъединяет. Внешняя война ограничена во времени, она должна так или иначе иметь окончание; гражданская война в той или иной форме мыслится как нечто постоянное или, по крайней мере, длительное»²⁹.

На оценки Струве могло повлиять его марксистское прошлое, однако, бесспорно, вовсе не обязательно испытывать влияние марксизма, для того чтобы разглядеть в классовой борьбе движущую силу истории. Так, еще Макиавелли полагал, что все законы, охраняющие свободу, рождаются из противостояния между классами. Он, приводя в ужас своих современников, полагал, впрочем, что классовый конфликт — не растворитель, а клей, скрепляющий общество³⁰. Нельзя сказать, что в 1917 г. Макиавелли цитировали особенно часто, но некоторые политические высказывания российских политиков были созвучны его идеям.

Как классовый конфликт оценивали гражданскую войну и многие умеренные социалисты. Автор главной газеты партии

²⁸ Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 34. М., 1969. С. 215.

²⁹ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: сб. статей о русской революции. М., 1990. С. 247.

³⁰ Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Т. 1. Эпоха Ренессанса / пер. А. Олейникова. М., 2018. С. 307.

социалистов-революционеров — самой крупной политической партии того времени — писал в начале сентября 1917 г.: «Временное правительство, как и всякое другое правительство, есть равнодействующая общественных сил государства, есть результат борьбы классов. Но эта борьба происходит на революционной арене, т. е. между классами, переживающими каждый огромные, почти вулканические перевороты в своем социально-политическом миросозерцании, слагающимися в самом процессе борьбы и разрешающимися, точнее, склонными разрешить свои конфликты гражданской войною, с оружием в руках»³¹.

Вряд ли это свидетельствует о том, что все марксисты, все социалисты полагали, что революция непременно перерастет в гражданскую войну. Даже большевики, как показывает в своей статье К. В. Годунов, временно отказывались от лозунга гражданской войны (отчасти это объяснялось тактическими соображениями). Со своей стороны, социалисты, включая их радикальное крыло, обвиняли своих оппонентов в том, что они готовят гражданскую войну. Взаимные обвинения в развязывании гражданской войны теми силами, которые ориентировались именно на силовое разрешение сложнейших политических проблем, было важной частью предыстории гражданской войны.

Гражданскую войну готовили и те политические акторы, которые не использовали понятие «гражданская война» (однако и в этом случае употребление данного словосочетания заслуживает особого внимания). После Московского государственного совещания, которое оказалось неудачной попыткой обеспечения гражданского мира и создания широкой коалиции «живых сил» страны³², усилились ожидания нового острого политического кризиса. В то же время некоторые современники ожидали, что этот кризис примет форму гражданской войны, — такие настроения находили отражение и на страницах дневников, и в печати.

³¹ Дело народа. Пг., 1917. 6 сентября.

³² Об этом см.: *Тарасов К. А.* Московское государственное совещание 1917 года в поисках преодоления языка классовой борьбы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3. С. 101–113.

Ожидания гражданской войны стали особенно напряженными в дни так называемого «дела Корнилова», которое сопровождалось противостоянием различных войсковых соединений российской армии. Хотя это противостояние и не переросло в боевые столкновения, но «корниловские дни» были отмечены всплеском политического насилия, и атмосфера предчувствия гражданской войны сыграла тут большую роль. Противоборствующие стороны обвиняли друг друга в подготовке гражданской войны, используя страх перед междоусобной борьбой в своих целях. Но еще большее значение имело прогрессирующее ощущение того, что гражданская война уже началась (это фиксируется в оценках буквально всех политических сил). Такое восприятие конфликта не оставляло уже никакой надежды на компромисс, инициатор гражданской войны должен был быть уничтожен — политически, а то и физически.

Для сторонников генерала Л. Г. Корнилова таким подлежащим уничтожению врагом был «большевизм», при этом, как отмечает в своих статьях К. А. Тарасов, «большевиками» считались и видные представители умеренных социалистов, которые возглавляли тогда разветвленную сеть комитетов и советов и имели представителей во Временном правительстве.

Кроме того, во время кризиса начали появляться и получать широкое распространение новые образы врага — возникли слова «корниловцы» и «корниловщина». Для умеренных социалистов и для сторонников А. Ф. Керенского, для большевиков, радикальных социалистов и анархистов «корниловцы» были абсолютным врагом. Даже крайне «правые» социалисты-оборонцы исключали возможность какого-либо соглашения с ними.

Однако в лагере противников «корниловщины» не было единства. Большевики и другие радикальные социалисты предъявляли обвинение в потворстве «корниловцам» не только открытым сторонникам генерала, не только «буржуазии» и либералам, но и некоторым умеренным социалистам, включая и Керенского. Последнего большевики именовали «корниловцем», который «случайно» рассорился с Корниловым

и продолжает действовать в союзе с корниловцами³³. Главу Временного правительства обвиняли в подготовке «второй корниловщины».

В то же время в стране началась кампания в защиту генерала Корнилова и его сторонников, находившихся под арестом. Одни, сочувствуя генералу, заявляли, что «корниловщина» является вымыслом (об этом упоминает в своей статье М. Е. Разиньков), и одновременно слова «корниловцы» и даже «корниловщина», употреблявшиеся изначально противниками генерала, стали использоваться для самоназвания его сторонниками. Заявления «Я корниловец» звучали на представительных совещаниях консервативных и либеральных политиков, так же сами себя называли и многие офицеры.

Страна раскололась на противников Корнилова и противников «большевизма». Но и эти лагеря не были едиными: большевикам противостояли еще и те силы, которых некоторые оппоненты обвиняли в «большевизме», а с «корниловцами» боролись и те политики, которых большевики и другие радикальные социалисты обвиняли в содействии генералу и подготовке «новой корниловщины». Многослойные и многоуровневые конфликты, в ходе которых использовались эти слова, были важным компонентом кризиса осени 1917 г.

Тогда же появилось и еще одно слово, характеризующее существующий политический режим, — «керенщина». Слово имело разные значения, в том числе достаточно часто с его помощью описывался политический стиль, подменяющий дела словами, и политический режим, отмеченный нерешительностью, неопределенностью и безволием. И радикальные социалисты, и сторонники генерала Корнилова выстраивали свою тактику, отталкиваясь от «керенщины» и противопоставляя себя ей. Образы будущих вождей Российской гражданской войны (вождей белых и вождей красных) выстраивались на основе противопоставления их, «истинных», сильных и левых вождей, и вождя «ложного» — слабого главы Временного правительства. Неудивительно, что и левые, и правые

³³ Ленин В. И. О героях подлога и ошибках большевиков // Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 34. С. 250.

противники Керенского распространяли схожие слухи и даже использовали схожую риторику для его дискредитации³⁴. Эта риторика, подготавливающая гражданскую войну, отражала утрату политических возможностей коалиции умеренных социалистов и либералов, сложившейся после Февраля. Поляризуемая страна отвергала путь компромиссов и тех лидеров, которые эти компромиссы олицетворяли.

Впрочем, падение популярности умеренных сторонников коалиции было связано не только с поляризацией, но и с изменением эмоционального режима. Гиперполитизация весенних дней, азартная увлеченность политикой, к осени 1917 года сменилась деполитизацией, что проявлялось среди прочего и в нарастании абсентеизма (об этом в своей статье пишет М. Е. Разиньков). Разочарование в Керенском и в других героях Февраля было связано не только с разочарованием в их политическом курсе, но и в разочаровании в политике вообще. Это создавало новые возможности для сторонников силовых методов решения политических проблем — левых и правых, — которые приобретали новые возможности для мобилизации своих сторонников вокруг вождей.

Связь между выстраиванием культов «своих» вождей и легитимацией политического насилия рассмотрел на примере большевиков А. В. Резник. В своей статье он показал, как были тесно увязаны создававшиеся культы вождей (прежде всего культ В. И. Ленина) и дискурсы гражданской войны и террора. Кажется справедливым, однако, что это было присуще не только большевикам, но и их противникам.

Представленный сборник статей интересен тем, что авторы, опираясь на широкий круг источников, решают важные исследовательские задачи. Надеемся, что эти тексты вызовут научную дискуссию.

³⁴ *Kolonitskii B. Kerensky as "Traitor": Symbolic Politics, Rumor and the Political Deployment of Rumors in the Revolutionary Period // Revolutionary Russia. 2021. Vol. 34. Issue 1. P. 1–18.*

Одновременно ценность этой книги заключается и в том, что в ней ставятся масштабные историографические вопросы, требующие дальнейшего исследования. Можно выделить несколько важных сюжетов, которые кажутся перспективными и актуальными.

История политического использования понятий, описывающих комплекс конфликтов на постимперском пространстве («гражданская война», «гражданская борьба», «смута»), изучение которых в настоящем сборнике представлено статьями К. В. Годунова, А. В. Резника и А. В. Шмелева, явно заслуживает дальнейшей разработки. И в этой связи можно развивать идеи, высказанные в статье Ё. Икэды: полезно было бы рассмотреть связь между понятиями «гражданин» и «гражданская война». Известно, что термин «гражданская война» возник во времена Римской республики под влиянием республиканской концепции гражданства (войны с рабами и союзниками не считались римлянами войнами гражданскими). Новые социально-политические явления требовали новых слов, а новые слова порой конструировали новую реальность. В какой степени это классическое, «республиканское» понимание гражданской войны присутствовало в российской ситуации?

Связь культуры вождизма и культуры насилия, рассмотренная в статьях А. В. Резника и К. А. Тарасова, требует сравнительного изучения. Начатое уже историками рассмотрение культов красных вождей, нуждающееся, впрочем, в дальнейшей разработке, должно быть дополнено исследованием политической культуры вождизма в лагере их противников. Культура белого вождизма уже стала предметом интересов историков³⁵, но она нуждается в дальнейшем исследовании.

Тексты И. В. Саблина и М. В. Разинькова заставляют нас думать об исторических альтернативах гражданской войне, о попытках ее предотвращения, локализации и завершения. Такие понятия, как «гражданин» (статья Ё. Икэды) и «республика»

³⁵ Журавлев В. В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Новосибирск, 2013. С. 108–127.

(текст Д. И. Иванова), указывают на существование серьезного потенциала для объединения людей, инклюзии, для создания коалиций, предотвращающих гражданскую войну. Но, как показывают исследования, эти же понятия легко могли быть использованы для стигматизации, дискриминации, исключения, для формирования образа врага. Поиски же объединяющего общего врага не всегда способствовали созданию коалиции. Это демонстрирует статья Д. И. Иванова, посвященная использованию слова «анархия». Чуть ли не всеобщее неприятие «анархии», которая для многих становилась, по словам автора, «негативным образом будущего», вовсе не объединило страну и не предотвратило распада власти.

Изучение «церковного большевизма», начатое П. Г. Рогозыным, требует дальнейшего исследования взаимного влияния религиозного и политического сознания. Так, весьма актуально рассмотреть вопрос о том, как так называемое народное православие реагировало на религиозную политику большевиков.

Можем надеяться, что предлагаемый читателям сборник будет способствовать дальнейшему изучению политического языка и политической культуры революции и гражданской войны. Эти задачи столь масштабны, что для своего решения они требуют объединенных усилий исследователей различных дисциплин из разных стран, и особое значение имеет кооперация гуманитариев на постсоветском пространстве.